

Только когда Чжу Цзылин покинул кабинет Жун Чжао, двое тёмных стражей, всё ещё ощущавших во рту сладость Чжа танго'эр, решились предстать перед господином с докладом.

— Докладываю Ванъе: сегодня Ванфэй не сталкивался с пересудами. Людей князя Юй мы также не заметили — вероятно, они не успели среагировать так быстро, — отрапортовал аньвэй.

Он немного помедлил, а затем добавил с едва заметной заминкой в голосе:

— Однако... Ванфэй случайно стал свидетелем того, как Чжу Цзычжэня с позором выставили из игорного дома за долги. К счастью, они почти не разговаривали, так что, по нашему мнению, это происшествие не должно иметь серьёзных последствий.

Жун Чжао слегка нахмурился.

— Случайно стал свидетелем?

— Так точно... — аньвэй и сам понимал, насколько неправдоподобным кажется такое совпадение. — Изначально люди в притоне планировали затянуть сети через пару дней, но, поскольку сегодня вы приказали ускорить процесс, они нанесли удар раньше... Кто же мог знать, что Ванфэй именно в это время захочет купить Чжа танго'эр именно в том переулке.

На мгновение в голове князя промелькнуло подозрение: не направил ли кто-нибудь Чжу Цзылина туда намеренно? Но мысль эта быстро исчезла. Вряд ли кто-то, кроме него самого, стал бы плести интриги против такого ничтожества, как Чжу Цзычжэнь. Да и учитывая отношения между братьями, даже если бы юношу привели туда за руку, это ничего бы не изменило.

Скорее всего, это действительно была простая случайность.

— Ванфэй ничего не заподозрил? — бесстрастно спросил князь.

Стражник покачал головой:

— Чжу Цзычжэнь изо всех сил старался скрыться, а Ванфэй не стал его задерживать. Купив Чжа танго'эр, он сразу ушёл, даже не попытавшись расспросить кого-либо об игорном доме. Похоже, ему совершенно безразлична судьба брата.

Его лицо разгладилось.

— Раз так, то это не имеет значения. Продолжайте действовать по плану.

— Слушаюсь! — поспешно отозвался страж.

Чжу Цзылин решил не беспокоить мужа просьбами о мести, считая, что риски перевешивают выгоду. Он и не подозревал, что вся эта история с долгами с самого начала была тонко разыгранной партией Жун Чжао.

В той прошлой жизни, что осталась в памяти Цзылина, Чжу Цзычжэнь вовсе не «замял дело» — этого дела попросту не существовало.

С тех пор как князь осознал, что Цзылин — тот самый ребёнок из его прошлого, его отвращение к семейству Чжу, которое годами тиранило юношу, переросло в холодную ярость. Узнав о том, как Чжу Цзычжэнь столкнул брата в холодную воду, и как госпожа Ху намеренно лишила его лекарств во время смертельной лихорадки, Жун Чжао решил, что просто убить их будет слишком милосердно.

Обладая нынешней властью, он мог бы уничтожить их одним взмахом руки. Но, изучив все случаи их издевательств над Цзылином, он предпочёл отплатить им их же монетой.

Смерть была лишь избавлением. Он хотел, чтобы эти люди потеряли всё: репутацию, положение и надежду, медленно погружаясь в пучину отчаяния.

Они не только годами клеветали на Цзылина, но и всерьёз планировали изуродовать его лицо, чтобы навсегда закрыть ему путь в высшее общество. Что ж, Жун Чжао собирался заставить их самих испить эту чашу до дна.

Поместье министра Чжу со стороны казалось оплотом добродетели, а сам Чжу Жуйхун был крайне осторожен, боясь любого неверного шага. Однако порочные и мелочные натуры госпожи Ху и её сына давали предостаточно зацепок. А если зацепок не хватало, их было несложно создать.

Как и следовало ожидать, люди князя Ли быстро выяснили, что Чжу Цзычжэнь не только тщеславен, но и весьма падок на вино и женщин. Он часто пропадал с сомнительными друзьями, прикрывая свои гулянки «научными беседами».

После свадьбы Цзылина в доме Чжу воцарилась гнетущая атмосфера. Чжу Цзычжэнь был вынужден по приказу Жун Чжао переписывать «Книгу ритуалов», что приводило его в ярость. Желая развеяться, он искал утешения в вине, не решаясь признаться знакомым в истинной причине своего дурного настроения.

Один из его «друзей» как бы невзначай предложил место, где любая печаль сменяется радостью, и привел его в Цзуйчуньюлоу — заведение, о котором в последнее время гудела вся

столица.

Этот Павильон хмельной весны открылся лишь в прошлом году, но за считанные месяцы его главная красавица, Яньсюэ, завоевала титул первой куртизанки города.

Говорили, что дева обладает красотой, способной сокрушать царства, и что перед её очарованием не устояли ни прославленные поэты, ни принцы, ни генералы. Слава её гремела повсюду, делая заведение самым модным местом в столице.

Чжу Цзычжэнь давно сгорал от любопытства, но его отец, крайне дороживший честью семьи, строго-настрого запретил сыну посещать подобные вертепы. Юноша, до дрожи боявшийся министра, долго подавлял свои желания.

Его обычные собутыльники знали о запрете и не спешили навлекать на себя гнев министерского чиновника. Однако в этот раз среди них оказался новичок, чей-то знакомый. Он так красноречиво расписывал прелести Яньсюэ и таланты других девиц Павильона, что Цзычжэнь не устоял.

В его жилах и так текла похоть, а когда ему пообещали, что в Цзуйчуньюлю любая беда покажется пустяком, страх перед отцом отступил на второй план.

Заведение оправдало все ожидания. Чжу Цзычжэнь мгновенно потерял голову. Красавица Яньсюэ была ослепительна, но он понимал, что такая птица ему не по зубам, поэтому его внимание переключилось на Циньюй — другую девушку Павильона.

Она была само очарование: хорошенькая, понимающая и острая на язык. Всего пара её ласковых фраз — и Цзычжэнь забывал об ужасающей золотой статуе Жун Чжао и бесконечном переписывании книг. В её объятиях он чувствовал себя не наказанным школяром, а героем, мудрым и великим мужем, чьё блестящее будущее не за горами.

Ему было всего шестнадцать, и до этого госпожа Ху держала его в ежовых рукавицах. Столкнувшись с такой неприкрытой лестью и нежностью, он окончательно увяз в сетях куртизанки. То, что должно было стать разовым приключением, превратилось в одержимость.

Его старые приятели тоже частенько заглядывали туда, а тот малознакомый юноша, что первым подал идею, вскоре перестал появляться. Чжу Цзычжэнь не придавал этому значения — какая разница, куда делся сын мелкого чиновника, когда рядом такая женщина, как Циньюй?

Но отдых в Цзуйчуньюлю стоил баснословных денег. Девушка была одной из лучших, и чтобы она уделяла внимание только ему, молодому господину приходилось платить втридорога.

Раньше он не считал медяков, но после того как Чжу Цзылин увёз из дома львиную долю приданого, матушка стала крайне прижимистой.

Когда деньги начали таять, Чжу Цзычжэнь обнаружил, что может позволить себе лишь короткие свидания с возлюбленной. Он даже грезил о том, чтобы выкупить её и сделать своей женой, но цена в двадцать тысяч лянов была заоблачной. Он понимал, что мать никогда не даст такую сумму на выкуп куртизанки.

Быть не в состоянии даже заплатить за ужин со своей женщиной казалось сыну чиновника первого ранга невыносимым позором. В конце концов, в споре за внимание Циньюй он проиграл какому-то выскочке, который осыпал его насмешками, назвав «нищим барчуком».

Чжу Цзычжэнь, никогда не знавший отказа, был уязвлён до глубины души. В его голове созрел опасный план.

Раз мать не даёт денег, он возьмёт их сам.

Попытка выкрасть две тысячи лянов из семейной тканевой лавки закончилась крахом — он наткнулся на людей князя Ли и едва унёс ноги, до смерти перепуганный. Ему пришлось потратить немало усилий, чтобы запугать управляющего и скрыть эту историю от госпожи Ху.

Когда этот путь был отрезан, судьба «случайно» подбросила ему новый. Он подслушал, как двое щеголей хвастались огромным выигрышем в кости.

Сердце юноши замерло.

Он и раньше баловался игрой, но в официальных игорных домах ставки были невелики, а выигрыши — скромны. Те же двое говорили о подпольном притоне, где куш мог в сотни раз превышать ставку.

Один из них так красноречиво описывал золотые горы, что Цзычжэнь невольно начал подсчитывать: если он поставит несколько сотен, то сможет выиграть десятки тысяч — достаточно, чтобы выкупить Циньюй и покрыть все долги!

Несмотря на азарт, он колебался. Всё же он был сыном министра и понимал, что азартные игры — это пропасть. Если отец узнает, последствия будут катастрофическими.

Но когда он снова пришёл к куртизанке и его опять унизили при ней, выставив бедняком, в голове осталась одна-единственная мысль:

«Мне нужны деньги! Много денег! Я выкуплю её, чего бы мне это ни стоило!»

Отыскав тот самый подпольный притон, о котором говорили на улице, Цзычжэнь в первый же день сорвал небольшой куш.

Это укрепило его веру в собственную удачу. Он начал ставить по-крупному.

Какое-то время он то выигрывал, то проигрывал, но в целом оставался в плюсе. Вскоре у него в кармане оказалась тысяча лянов прибыли. Он вернулся к Циньюй победителем, одарил её дорогими украшениями и снова почувствовал себя хозяином положения. Теперь игорный дом казался ему неисчерпаемым источником богатства.

Однако удача — дама капризная. Вскоре проигрыши начали следовать один за другим. Сам того не заметив, он спустил всё, что имел.

Чжу Цзычжэнь решил, что это лишь временная неудача, и, желая во что бы то ни стало отыграться, взял в долг у владельцев заведения. В первый раз ему повезло — он вернул долг и даже немного заработал.

Это окончательно лишило его рассудка. Во второй раз он занял вдвое больше. Снова отыгрался. Его самомнение раздулось до небес, ставки стали безумными, а азарт — неуправляемым.

В третий раз чуда не произошло. Он проиграл всё подчистую, оставшись должным игорному дому семь тысяч лянов.

Осознав масштаб катастрофы, Чжу Цзычжэнь на мгновение ужаснулся, но азарт требовал продолжения. Он снова попытался занять денег, уверенный, что следующая партия вернёт ему всё.

На этот раз заведение отказало. Ему велели сначала вернуть старый долг, после чего грубо вышвырнули на улицу.

Так юноша, ещё вчера мнивший себя баловнем судьбы, оказался в аду, сотканном из паники и тревоги.

Он и представить не мог, что весь этот путь — от первой чарки в Цзуйчуньюлоу до долговой ямы — был тщательно спланированной ловушкой Жун Чжао.

— С этого момента следите за каждым его шагом и не забудьте подчистить все следы, — приказал князь своим людям. — Хотя появление Ванфэй там было случайностью, Чжу Цзычжэнь может что-то заподозрить. Нельзя допустить, чтобы Чжу Жуйхун нашёл повод обвинить нас.

Жун Чжао не верил, что у Цзычжэня хватит ума распутать этот клубок, но предпочитал не оставлять лазеек.

— Ускорьте развязку, — добавил он ледяным тоном. — Слухи, что распускает госпожа Ху,

гуляют по городу слишком долго. Пора преподать им урок.

Чжу Цзычжэнь, ещё не подозревая о нависшей над ним угрозе, приложил немало усилий, чтобы незаметно вернуться в поместье. Приведя одежду в порядок, он проскользнул в дом, надеясь, что никто не заметит его помятого вида.

В его голове всё ещё теплилась безумная надежда: найти семь тысяч, вернуть долг и снова сесть за стол, чтобы отыграться. Главным было скрыть позор от окружающих.

Но Чжу Цзылин видел всё. Цзычжэнь был уверен, что брат при первом же удобном случае донесёт об этом отцу. А если заимодавцы действительно явятся к дверям поместья, правду будет не скрыть.

Единственным шансом было то, что Чжу Жуйхун всегда больше доверял сыну, чем Ванфэй. Если он быстро достанет деньги и уничтожит все улики, он сможет убедить отца, что Цзылин просто пытается его оклеветать. Сплетни в бедных кварталах вряд ли долетят до ушей министра.

Риск был велик, но страх перед гневом главы семьи был сильнее. Молодой господин решил пойти ва-банк.

Сначала он попытался выпросить денег у матери, но, несмотря на все ухищрения, сумел выманить лишь несколько сотен.

Тогда он решился на крайний шаг. Пробравшись в покои госпожи Ху, он выбрал несколько самых ценных украшений и втайне отвез их в ломбард в восточной части города — подальше от дома. За них ему дали почти четыре тысячи лянов.

Это вдохновило его. Юноша решил, что если заложит ещё пару вещиц, то соберёт нужную сумму, за пару дней отыграется и вернёт драгоценности на место прежде, чем кто-то заметит пропажу.

Но он недооценил бдительность матери. Госпожа Ху обнаружила пропажу в тот же день.

— Где моя золотая буяо с рубинами?!

Это украшение было сказочно дорогим. Госпожа Ху так дорожила им, что надевала лишь на торжественные приёмы во дворце. Несмотря на то, что шпилька редко видела свет, она регулярно проверяла свою шкатулку, протирая и начищая сокровища.

Исчезновение столь ценной вещи не могло остаться незамеченным. В поместье разразилась буря.

— Какая паршивая девка посмела украсть мою шпильку?! — вне себя от ярости вопила госпожа.

Всех служанок, имевших доступ в её покои, выстроили во дворе и заставили встать на колени.

— Вы хоть понимаете, что натворили?! Это сокровище передавалось в моей семье из поколения в поколение! Вам и за десять жизней не отработать её стоимости!

— Говорите! Кто взял?!

— Если признаетесь сейчас, я проявлю милосердие и ограничусь лишь поркой. Но если заставите меня вызвать стражу и провести обыск — клянусь, воровку забьют палками до смерти прямо здесь!

Служанки, дрожа от страха, клялись в своей невинности. Видя, что никто не сознается, госпожа Ху прищурилась:

— Тому, кто укажет на вора, я обещаю щедрую награду! Неужели никто ничего не видел?!

Испуганные рабыни начали переглядываться. Было названо несколько имен — тех, кто по долгу службы убирал в комнате и помогал госпоже одеваться. Те несчастные в ужасе закричали, моля о пощаде. По её приказу их обыскали, перерыли все их личные вещи, но золота не нашли.

Девушки уже решили, что спасены, но лицо госпожи стало ещё более жестоким.

— Прячут, значит... Хорошо же вы подготовились. Стража, берите их и допрашивайте с пристрастием! Я выбью из вас правду!

Начались пытки. Служанок били, требуя признаний. Одна, не выдержав мук, оговорила себя, но так и не смогла сказать, куда делась шпилька.

Госпожа Ху теряла терпение. Она уже готова была приказать использовать раскаленное железо, как вдруг одна из избитых прохрипела:

— Я... я видела вчера, как второй молодой господин... он подходил к шкатулке...

В покоях повисла мертвая тишина. Госпожа замерла, а затем взорвалась новым приступом

ярости:

— Ложь! Дерзкая ложь! Как ты смеешь порочить имя моего сына, дрянная девчонка?!

— Как у тебя язык повернулся возвести напраслину на своего господина?!

— Стража! Подвесьте её и бейте, пока не сдохнет!

Несчастливая в слезах билась лбом о землю:

— Пощадите, госпожа! Умоляю! Я видела его своими глазами!

— Ты всё ещё упорствуешь в своём вранье?! Бейте её! Посмотрим, как она запоёт, когда шкура начнёт лопаться!

В этот момент в покои вошёл Чжу Цзычжэнь. Услышав о криках и пытках, он сразу понял — дело плохо. Видя окровавленных служанок и мать, охваченную безумием, он почувствовал, как к горлу подступает комок.

— Матушка... может быть, вы просто забыли, куда её положили? — выдавил он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Давайте поищем ещё раз, не нужно устраивать такой шум...

— Быть такого не может! — рявкнула госпожа Ху. — Я помню каждое украшение! Эта буяно стоит не меньше десяти тысяч лянов! Я найду вора, чего бы мне это ни стоило!

Цзычжэнь похолодел. Он и представить не мог, что эта вещица настолько ценная. Знай он цену, он бы выбрал что-нибудь попроще.

Видя, что мать вот-вот забьёт служанок до смерти, а обыск может привести в ломбард, юноша понял, что зашёл в тупик. Он подошёл к матушке и, отведя её в сторону, прошептал:

— Матушка, прекратите допрос. На самом деле...

— Это я её взял.

Госпожа Ху застыла на месте, словно громом поражённая.

— Что ты сказал?! Ты?!

— Но зачем... зачем тебе понадобилась моя золотая шпилька?!

Она смотрела на сына с ужасом, и в её душе начало расти недоброе предчувствие.

Чжу Цзычжэнь понимал, что теперь правду не скрыть. Чтобы успокоить её и не дать делу дойти до отца, он запер дверь и во всех подробностях — за исключением Циньюй — рассказал о своём проигрыше.

От этого рассказа госпоже стало дурно. В глазах потемнело, она схватилась за сердце, едва не теряя сознание.

— Ты... ты ввязался в азартные игры... и задолжал семь... семь тысяч лянов?! И чтобы расплатиться, ты обворовал собственную мать?! — её голос сорвался на крик. — Как ты мог так поступить со мной?!

Цзычжэнь, чувствуя вину, всё же не удержался от упрёка:

— А что мне оставалось делать?! В последнее время вы даёте мне такие жалкие гроши, что мне едва хватает на приличный обед! Мне нужно было где-то достать серебро!

— Но не в игорном доме же! — глаза матушки наполнились слезами. — Разве там можно что-то заработать? Ты проиграл семь тысяч!

— Это была просто случайность, мне не повезло! — огрызнулся сын. — Если бы меня не выставили, я бы обязательно отыгрался! У меня был план!

Видя, что он даже сейчас грезит об игре, госпожа Ху хотела закричать от отчаяния, но юноша перехватил её руки:

— Матушка! Сейчас не время для нотаций! Отец ни в коем случае не должен об этом узнать!

Он понизил голос, и в его глазах отразился подлинный страх:

— Если отец проведаёт о долгах, он мне ноги переломает! Вы же знаете его нрав!

— Матушка! Вы должны спасти меня!

Она в растерянности посмотрела на него.

— Но как... как я могу помочь...

— Если мы сейчас же отдадим эти семь тысяч, отец никогда ничего не заподозрит! — с уверенностью заявил Цзычжэнь. — Матушка, для вас ведь это небольшая сумма, правда?

В голове госпожи Ху всё перемешалось.

— Семь тысяч — это очень много... У меня нет таких денег на руках...

Цзычжэнь тут же нахмурился:

— Так вы хотите, чтобы отец подверг меня суровой каре? Я ещё от побоев Чжу Цзылина не отошёл!

— Неужели в нашем поместье министра не найдётся семи жалких тысяч?! Вы же управляете всеми расходами!

Она открыла рот, но не нашла слов. После свадьбы Ванфэй её собственные средства таяли на глазах. Немало серебра ушло на то, чтобы наводнить город сплетнями о «голодном демоне», а то, что она давала Цзычжэню, приходилось выкраивать из общих нужд.

Семь тысяч лянов наличными были для неё сейчас почти неподъёмной ношей.

Но когда сын напомнил об отцовской плети и своих старых ранах, сердце матери дрогнуло. Она не могла допустить, чтобы её единственный и любимый ребёнок пострадал.

После долгих терзаний она стиснула зубы и произнесла:

— Хорошо. Я найду способ скрыть это от твоего отца. Постараюсь собрать нужную сумму.

— Но клянись мне: больше ты к игорным домам и на шаг не подойдешь!

Цзычжэнь недовольно поморщился, но, получив желаемое, поспешно расплылся в улыбке:

— Конечно, матушка! Обещаю, вы можете на меня положиться.

«Как только эта гроза пройдёт, я найду способ вернуться к столу, и тогда вы увидите, кто был прав», — подумал он про себя, целуя руки матери.